

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Форсаж на крови

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Форсаж на крови

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Форсаж на крови / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2018 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-096975-3

Оперативникам становится известно о существовании подпольного клуба ночных автогонщиков. Внушительные ставки и регулярные заезды приносят немалый доход организаторам незаконного бизнеса. Полковники МВД Гуров и Крячко решают выяснить, кто реально руководит автомобильной «рулеткой». Для этого они внедряют в тусовку стритрейсеров своего человека. Однако дальнейшие события повергают следователей в настоящий шок. Выясняется, что ночные автогонки – только ширма, за которой скрывается масштабный кровавый криминал...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-096975-3

© Леонов Н. И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Форсаж на крови

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Пролог

– Слышь, Бизон! – Парень, сидящий за рулем серого неприметного минивэна с забрызганными грязью номерами, на мгновение приспустил боковое стекло, смачно сплюнул на асфальт и поднял стекло обратно. Однако даже этих секунд хватило, чтобы в салон ворвался порыв холодного, пробирающего до самых костей ветра. Парень зябко поежился. Замок его рыжей кожаной куртки был застегнут под горло. Длинные волосы и аккуратно подстриженная бородка делали его похожим на Христа. – Я спросить хотел... Как думаешь, а нам могут заплатить сегодня за заказ? Я, конечно, знаю, что это против правил, так обычно не делается... Но... Если в виде исключения? А? Если попросить?

– Попроси, – равнодушно откликнулся Бизон глухим прокуренным голосом.

Взгляд его черных, глубоко посаженных глаз не отрывался от входа в каморку охранника. Стрелка наручных часов неумолимо приближалась к девятичасовой отметке. Смена должна была состояться с минуты на минуту, второй охранник уже довольно давно прибыл на место. Правая рука Бизона, скрытая в боковом кармане куртки, нащупала мобильный телефон.

– А дадут? – не унимался парнишка, похожий на Христа. – Если попросить? А?

– Не дадут. Но ты спроси.

– На хрена тогда спрашивать, если ты точно знаешь, что не дадут?

Бизон ничего не ответил. В очередной раз сверился с наручными часами. В полоске света, пробивавшейся из-под двери каморки, появились какие-то тени, и он, подавшись вперед, достал из кармана мобильник.

– А ты дашь? – опять подал голос водитель минивэна. – Хотя бы пять штук, Бизон. Мне край, как надо... Сегодня. А как с нами расплатятся, я тебе отдам. Сразу же... Если хочешь, даже с процентами. Накину «пятихатку» сверху... Или «штукарь»... «Штукарь» накину, Бизон. В натуре. Ты мне пять, а я тебе через пару-тройку дней – шесть. А че?.. Нехилый процент выходит. Ни в одном банке такого не сыщешь... Так как?

Дашь?

– Следи за объектом, Макс.

– Я слежу. Ну а как насчет пяти «косарей»? Подкинешь?

– Да подкину-подкину, – сказал, как отмахнулся, Бизон.

Мимо них промчался спортивного класса приземистый автомобиль, и яркий свет фар на долю секунды выхватил из мрака неровный бритый череп Бизона с красочной татуировкой на затылке в виде разинутой пасти какого-то хищного рогатого животного. Очередной порыв ветра опрокинул урну на противоположной стороне улицы. Разнокалиберные окурки стремительно покатались по асфальту, подобно перепуганным тараканам.

– Вот спасибо, брат! – Макс растянул губы в улыбке. – Ты реально меня выручишь. Просто тут такое дело... Ты не поймешь, конечно... Но для меня это важно. У меня сын коллекционирует хоккейные карточки... А сегодня на одном из сайтов появилась раритетная штука: Овечкин в форме московского «Динамо», и не во время локаута, а еще в начале своей карьеры. Понимаешь?

– Нет, – честно ответил Бизон. – В форме «Динамо», и что?

– Как что? Говорю же тебе: раритет! Такую карточку хрен где достанешь. А уж за пять штук...

– Так это пять штук – за одну только карточку?

– Ну да. И это халява, Бизон. Если не подсуетиться, она уйдет влет. И если потом будет еще такая, то уже штук за пятнадцать-двадцать. Не меньше...

– Она из золота, что ли? – Большого интереса к теме разговора Бизон не проявлял. До девяти часов вечера оставалось две минуты.

– Нет. Картонная...

– И че? Есть чудилы, которые покупают картон по двадцать «косарей»?

– Да не в картоне дело, – почти обиженно прогундосил Макс, – а в том, что на нем изображено. Есть карточки обычные, а есть такие... Впрочем, ладно! Я же сказал, ты все равно не поймешь. Просто подкинь пять штук взаймы, и все. А я отдам тебе шесть... Сын заценит подарок.

– Я и не знал, что у тебя сын есть.

Макс пожал плечами.

– Он вроде как есть, а вроде как и нет, – пожал плечами Макс. – Мы редко видимся. Я не был женат на Маринке. Ну, на его матери то бишь... – В голосе парня, похожего на Христа, появились нотки грусти, но Бизон не обратил на это внимания. Он продолжал пристально наблюдать за выходом из каморки. – Но собирался... Жениться...

– И чего же не собрался?

– Она умерла. Когда Пашку рожала... Ну, и мамаша ее внука к себе прибрала. А мне с ним общаться запретила. Но мы все равно видимся... Тайком. Я нахожу такую возможность. Редко, но нахожу... Сын все-таки... А он от хоккея фанатеет. И сам следж-хоккеем занимается.

– Чем?

– Следж-хоккеем. Ну, тот же самый хоккей, только для безногих.

Впервые за все время разговора Бизон оторвал взгляд от объекта и покосился на поделника. Широкие кустистые брови изогнулись в некоем подобии удивления.

– А он у тебя без ног, что ли?

– Да. С рождения...

В этот момент дверь каморки охраны отворилась, и в образовавшееся световое пятно ступила невысокая сухощавая фигура человека в черной униформе. С левого плеча охранника свисала спортивная сумка. Следом за ним вышел еще один мужчина, постарше и покрепче. Они пожали друг другу руки. Охранник с сумкой закурил сигарету, прикрывая зажигалку от ветра всем телом. Глубоко затянулся, а затем неторопливо зашагал по Петровской в сторону проспекта Вернадского. Сменщик скрылся в каморке.

– Заводи! – коротко распорядился Бизон и тут же вызвал на мобильнике последний набранный номер. – Только не привлекай его внимания.

– Понял.

Макс повернул ключ в замке зажигания, и минивэн плавно тронулся с места. Когда невидимый абонент ответил на вызов Бизона, тот быстро заговорил в трубку:

– Он выдвинулся в твоём направлении, Колян. Как там в окрестностях? Все чисто?... Отлично! Тогда работаем, как договорились.

Мобильник бригадира вернулся обратно в карман. Минивэн с выключенными фарами медленно покатиł вдоль обочины. Охранник, попыхивая сигаретой, прошел два квартала и свернул в переулок. Мини-вэн остановился, и Бизон, распахнув дверцу и набросив на голову капюшон куртки, спрыгнул на асфальт. Макс заметил блеснувшую в свете луны стальную нить в его руках и лениво откинулся на спинку водительского кресла, не забывая при этом дисциплинированно поглядывать в зеркало заднего обзора.

Бизон бесшумно нырнул в полумрак переулка. Его шаг был размеренным и неторопливым. Он прекрасно видел, как охранник остановился под фонарем, докурил сигарету и бросил окурочек себе под ноги, придавив его носком ботинка. От стены отлепилась еще одна фигура и приблизилась к человеку в униформе:

– Привет! Опаздываешь...

– Сменщик у меня дотошный, – хмыкнул охранник. – Раньше девяти не отпускает. Ни на минуту. Хоть бы раз... Так нет же!

– Принес?

Охранник кивнул, расстегнул куртку и сунул руку за пазуху. Однако выудить ее обратно так и не получилось. Жесткое дуло пистолета ткнулось ему в живот.

– Дернешься – пристрелю. Усек? – коротко предупредил человек, с которым Бизон недавно разговаривал по мобильнику, и бегло огляделся. – Не вздумай поднимать шум.

– А в чем дело? – В глазах охранника плеснулся страх. Он почувствовал, как предательский липкий пот расплывается у него под мышками. – Я же не думал никого кидать... Все честь по чести... Если дело в цене...

– Заткнись!

– Да я же только...

Бизон ловко скользнул жертве за спину. Человек в черной униформе даже не успел среагировать. Стальная удавка плотно обхватила его жилистую шею. Николай отступил на шаг назад, но оружия не опустил. Охранник задержался, пытаясь извернуться, но его попытки оказались тщетными. Петля на шее затягивалась все плотнее. Он захрипел, глаза выкатились из орбит, лицо приобрело синюшный оттенок...

Все действие продлилось не более пяти секунд. Бизон сдернул удавку, и тело безжизненно повалилось к его ногам. Дважды дернулось в последних предсмертных конвульсиях и замерло. Николай спрятал оружие под куртку, присел на корточки и на всякий случай проверил наличие пульса у жертвы. Бизон воровато оглянулся через плечо.

– Мертв, – констатировал Николай.

– Тащи его в машину! – удовлетворенно кивнув, приказал бригадир.

Он первым вышел из проулка и махнул рукой. Минивэн подкатился ближе. Макс ступил на асфальт и распахнул настежь заднюю дверцу. Секунд через тридцать из темноты выплыл Николай, неся убитого охранника на плече. Сунул тело в салон.

– Сумка его где? – спросил Бизон.

– Наверное, там осталась...

– Дебил! Принеси ее. Давай скорее, нечего тут «светиться»! Сваливаем! Вернись за руль, Макс.

Они заняли прежние места в минивэне. Двигатель продолжал бесшумно работать. Бизон прикурил, глубоко затянулся и выпустил густое облако дыма. В салоне запахло марихуаной. Он сбросил капюшон. В его черных глазах появился неестественный блеск, по губам скользнула ядовитая ухмылка.

– Значит, пять штук за картонку, говоришь?

– Не за картонку. А за раритетную карточку.

– Один хрен...

Николай вернулся со спортивной сумкой и вместе с ней забрался в салон минивэна. Автомобиль тут же тронулся с места.

Глава 1

– Куприянов Виктор Петрович. Шестьдесят девять лет. – Держа на весу кожаную папку, оперативник зачитывал собственноручно сделанные записи и в этот момент был похож не столько на представителя власти, сколько на студента, всю ночь корпевшего над докладом, способным улучшить его выпускную оценку в семестре. Гуров, слегка покачиваясь на носках, пристально всматривался в лицо собеседника. – Но несмотря на то, что девять лет назад коллеги с почестями отправили Виктора Петровича на заслуженную пенсию, он остался работать... Причем в той же должности – главврачом шестой городской больницы... Вплоть до сегодняшнего утра, товарищ полковник...

Оперативник запнулся и невольно покосился в сторону смежной комнаты. Дверь была прикрыта лишь наполовину. Из помещения шаркающей походкой вышел пожилой седовласый мужчина в допотопном двубортном костюме темно-коричневого цвета. В руках у него был саквояж. Гуров приветствовал медицинского эксперта легким кивком. Старик ответил ему тем же, затем примостился на краешке дивана в гостиной. Саквояж пристроил в ногах. Лев невольно улыбнулся. Самуил Маркович тоже относился к числу тех пенсионеров, которые упорно продолжают трудиться, невзирая на возраст.

Крячко, расположившись немного левее напарника, не особо внимательно вслушивался в доклад оперативника, думая о чем-то своем и при этом беззвучно шевеля губами. Гуров недовольно покосился в его сторону и спросил у оперативника:

– Причина смерти?

Тот снова уткнулся в папку:

– Самоубийство, товарищ полковник. И нет никаких видимых причин считать иначе. Куприянов повесился в собственном кабинете на люстре при помощи брючного ремня. Дверь была заперта изнутри, и пришлось ломать замок, чтобы попасть в кабинет.

– Предсмертная записка есть?

– Никак нет. Причины, побудившие его к такому отчаянному поступку, Виктор Петрович предпочел не разглашать. Ни записки... Ни каких-либо других намеков...

Лев снова бросил на Крячко недовольный взгляд:

– А можно сейчас сосредоточиться на деле, полковник Крячко?

Станислава тон напарника нисколько не смутил. Он лишь равнодушно пожал плечами:

– А какое тут у нас важное дело, полковник Гуров? Самоубийство? Без записки, без признаков насилия... Я все правильно понял, лейтенант?

– Так точно, товарищ полковник.

– Тогда, выходит, мы просто зря прокатились. Раз нет состава преступления...

– А вы что скажете, Самуил Маркович? – обратился Гуров к медэксперту. – Каково ваше профессиональное мнение?

– Ну... Ты меня таки знаешь, Лев Иванович. – Старик достал из внутреннего кармана пиджака пластиковый контейнер с лекарственным препаратом, машинально встряхнул его, свинтил крышку и сбросил на сухую ладонь две капсулы. – Я не привык торопиться с выводами. И вам, молодые люди, тоже не советую... Согласно проведенному мною предварительному осмотру никаких ярких насильственных признаков не выявлено. Кроме следа удушения, конечно... Но я вас умоляю, господа! Вы, как и я, не вчера родились. И не первый день работаете... – Он неторопливо сунул обе капсулы под язык. – Так что давайте-таки не будем бежать впереди паровоза. Официальное заключение будет готово сегодня во второй половине дня, Лев Иванович. Наберешься терпения?

– Наберусь, – ответил тот и вновь повернулся лицом к оперативнику: – Как была обнаружена жертва, лейтенант?

– Жена Виктора Петровича, Елизавета Андреевна, проснулась утром и, не обнаружив мужа в постели, отправилась на его поиски... Кабинет, как я уже и говорил, товарищ полковник, оказался заперт. Это ее, мягко говоря, обеспокоило. Она звала мужа, но тот не откликнулся. Не знаю, был ли он на тот момент еще жив или нет... В этом вопросе нам тоже, видимо, придется дождаться официального заключения...

– А вот в данном случае это таки как раз и необязательно, – подал голос Самуил Маркович. – На этот вопрос я готов ответить вам прямо сейчас, не дожидаясь официального заключения... Смерть наступила в интервале от двух до трех часов ночи. Стало быть, как вы понимаете, на интересующий вас момент господин Куприянов был уже мертв.

– Ну, стало быть, так, – охотно согласился оперативник и вновь вернулся к своим записям в кожаной папке. – В любом случае беспокойство Елизаветы Андреевны возросло еще больше, и она кинулась звонить... В «Скорую» и в полицию... Мы приехали раньше «Скорой», товарищ полковник. Так что... По факту тело было обнаружено мной.

– Ясно, – кивнул Гуров. – С Елизаветой Андреевной уже пообщались, лейтенант?

– Не успел. – Оперативник опять запнулся и опять покосился на дверь смежной комнаты. – Дело в том, товарищ полковник... Когда мы... Когда мы обнаружили тело в присутствии женщины, с ней случилась самая настоящая истерика. С ней не то что поговорить...

– Я понял, – перебил Лев лейтенанта. – А как она сейчас?

– Немного лучше. Ей вкололи успокоительное. Она... в спальне.

– Мы поговорим с ней, – решительно заявил сыщик. – Я и полковник Крячко.

– А я, Лев Иванович? – негромко осведомился медэксперт. – Я могу пока быть свободен? Отпустишь старика? Сегодня много говорили за сильные магнитные бури, и мне таки было бы спокойнее, находишь я поближе к дому. Да и пищу мне велено принимать строго по расписанию. Любое отклонение от нормы... В моем-то возрасте, Лев Иванович.

Гуров открыто улыбнулся старику:

– Конечно, Самуил Маркович, можете ехать. Но я жду от вас официального заключения сразу же, как только оно будет готово.

– Всенепременно, Лев Иванович. Всенепременно.

Эксперт подхватил с пола саквояж и все той же шаркающей походкой направился к выходу. Крячко проводил старика взглядом и, осторожно дернув Гурова за рукав, негромко спросил:

– Можно я тоже отлучусь, Лева? Ненадолго? Чего тут вдвоем делать, в самом деле? Картина-то ясная. Банальный суицид.

– А в чем дело, Стас? У тебя тоже пища по расписанию? Или опасаясь магнитных бурь?

– Не. У меня все сложнее, Лева. – Крячко оставался серьезным, совершенно не обратив внимания на иронию напарника. – Проблемы личного характера. Ты ведь знаешь, последнее время я делаю все возможное, чтобы поставить личную жизнь на нужные рельсы, а тут... – Он вынужден был умолкнуть, наткнувшись на холодный взгляд напарника, потом откашлялся и так же осторожно добавил: – Можно мне хотя бы позвонить?

– Нет! – Гуров остался непреклонен. – Отложим твои проблемы на некоторое время. Чуть позже я тебя выслушаю. Обещаю... А теперь пошли.

– Как скажешь, – буркнул себе под нос Станислав и тихо процедил: – Тиран!

Оба сыщика двинулись в смежную комнату, оставив лейтенанта в гостиной.

Елизавета Куприянова, ссутулившись, сидела в кресле на фоне окна и даже не подняла глаза на вошедших. Обе ее руки были пропущены между колен. Длинные седые волосы расстрепаны, красный махровый халат немного съехал на сторону, обнажив часть острого сухощавого плеча. Женщина-врач методично и неторопливо складывала медикаменты в рабочий чемоданчик, склонившись над разобранной постелью.

– Мне вас оставить? – повернула она к ним голову.

– Как вам угодно, – ответил Лев. – Вы нам не мешаете.

Взяв стул, он поставил его напротив Куприяновой и сел. Крячко занял место на краешке кровати.

– Елизавета Андреевна... Вы сможете ответить на пару наших вопросов? Мы из уголовного розыска...

– Из розыска?.. Почему? У нас что-то пропало?

– Нет. Думаю, нет. – Гуров предпринял попытку ободряюще улыбнуться, но женщина никак не отреагировала. – Мы хотели поговорить с вами о вашем муже, Елизавета Андреевна...

– Ах да! О Вите... – По правой щеке Куприяновой покатилась сиротливая слеза, на мгновение зависла на подбородке, а затем, сорвавшись, упала на пол. – То, что он сделал, – ужасно! Ужасно и непростительно... Такой грех!.. Зачем он так?

– Именно это мы и пытаемся выяснить.

– С ним все будет в порядке?

– С кем?

– С Витей... Вы говорили с ним? Как он?.. Он ведь будет в порядке? Верно?

Крячко посмотрел на врача и, встретившись с ней глазами, спросил:

– Что вы ей вкололи? Это, типа, не перебор?

– Нет, – захлопнув чемоданчик и сочувственно окинув взглядом Куприянову, покачала головой врач. – Мы дали ей только успокоительное. В пределах нормы. А ее нынешняя реакция – это не более чем шок. Он пройдет. Конечно, потребуется какое-то время, но пройдет. Мы приняли решение поместить Елизавету Андреевну в стационар. Оставлять ее сейчас без присмотра опасно. Действие препаратов не продлится вечно, так что понаблюдать будет нелишним. Мы заберем ее сразу же, как вы закончите.

Гуров протянул руку и ласково тронул женщину за локоть. На его прикосновение она никак не отреагировала, продолжая молча смотреть в одну точку.

– Елизавета Андреевна, скажите, вы не замечали ничего странного в поведении вашего мужа в последнее время? Может быть, он был чем-то встревожен или обеспокоен...

– Мы ничего от нее не добьемся, Лева, – покачал головой Крячко. – Во всяком случае, не сейчас.

Но Куприянова удивила и его, и его напарника. Она вздрогнула, и в ее глазах вдруг появилось осмысленное выражение.

– Вы правы, – заговорила она, – я замечала... Не заметить было просто нельзя... Я ведь знаю Витю как облупленного. Мы ведь без малого пятьдесят лет вместе. В апреле следующего года будет юбилей. Витя хочет отметить его по-особенному. Без друзей, без родственников... Только мы вдвоем. Так он сказал. Я не знаю, что он задумал... – Тонкие губы Елизаветы Андреевны тронула легкая грустная улыбка. – Можете спросить его, если хотите, но он не скажет. Задумал какой-то сюрприз, я уверена... А уж если он задумал сюрприз, то подробности из него клещами не вытащишь. Будет только молчать и загадочно улыбаться. Уж я-то знаю...

– А что вы заметили в последнее время, Елизавета Андреевна? – напомнил Гуров. – Вы сказали, что что-то заметили. И ведь это не связано с предстоящим юбилеем?

– Нет. Витя был расстроен. Очень расстроен. И ко мне это не имело никакого отношения.

– А с чем это было связано?

– Не знаю. Об этом он тоже не говорит. Он всегда все держит в себе. Такая натура... Но я же не слепая... Позавчера, например, он вообще не поехал на работу. Для Вити – это нонсенс. Но он не поехал... Целый день провел у себя в кабинете. Ходил из угла в угол, звонил кому-то, даже ругался... Я слышала. Не то, что он говорил, а его интонацию. А потом... Потом всю ночь не спал. Пил лекарства. От сердца. Выпил их больше обычного. Я очень волновалась, спрашивала его, в чем дело, но он упорно молчал. Не то чтобы он не доверял мне... Не думаю.

Скорее не хотел беспокоить... Я думала, что он и на следующий день не поедет на работу. Вчера... После такой бессонной ночи, и вообще... Но все произошло совсем наоборот. И мне кажется, это первый случай в жизни, когда я не смогла угадать его настроение. Он уехал на работу с самого утра. И провел там весь день. Ни разу не позвонив мне, кстати... Такого тоже прежде не случалось... А когда вернулся... Отказался от ужина и сразу заперся в кабинете. Я звала его, но он попросил оставить его одного.

Раз Витя хотел побыть один, я отнеслась к этому с пониманием... И не стала больше его беспокоить. К кабинету не подходила, рано легла спать, а утром... – Женщина запнулась, и по щеке вновь покатилась одинокая слеза. Тонкие губы слегка задрожали.

– С какого телефона он звонил и ругался, Елизавета Андреевна? – поспешил направить воспоминания вдовы в иное русло Лев. – С городского? Или с мобильного?

– С мобильного. В Витином кабинете нет стационарного аппарата.

Гуров обернулся к напарнику и коротко кивнул. Крячко понял его без слов. Поднявшись с кровати, он покинул спальню и прошел в кабинет покойного Куприянова. Лейтенант, бес толково топтавшийся в гостиной, тенью проследовал за полковником. На пороге комнаты Станислав невольно остановился. Тело Виктора Петровича все еще болталось по центру комнаты. Лицо мертвеца посинело. Брюки, лишённые ремня, сползли ниже колен, обнажив семейные трусы с розочками. В распахнутую настежь форточку со свистом врывался холодный ветер.

– Почему он еще тут? – не оборачиваясь, спросил Крячко.

– Так это... Распоряжение полковника Гурова. Он сказал ничего не трогать до его приезда. Вот мы и не трогали...

– Снимите тело, – распорядился Станислав. – Вы же прекрасно знаете, что медэксперт уже завершил свой осмотр. Вы – идиот, лейтенант?

– Ну, я...

– Это был риторический вопрос, – буркнул Крячко, проходя к рабочему столу покойного. Мобильный телефон лежал рядом с недопитым бокалом вина.

– Нам нужен кто-нибудь из оперативников... – Могучий широкоплечий мужчина, едва переступив порог кабинета, без спроса взял стул и разместился напротив майора Старовойтовой. Смерил ее снисходительным взглядом, машинально отметил глубокий вырез блузки и тут же демонстративно уставился в сторону. Следом за мужчиной в кабинет скромно протиснулась и женщина, но в отличие от него далеко отходить от двери не стала. – В дежурке нас направили сюда.

– И верно направили. – Ольга выдвинула верхний ящик стола и убрала в него стопку документов. – Чем могу помочь?

Мужчина удивленно изогнул левую бровь. Короткая стрижка, большая голова и сплюснутый нос делали его похожим на бойцового пса. Не хватало только боевых шрамов. Но шрамов не было.

– Вы, полагаю, ничем, – хмыкнул он и тут же бросил через плечо, обращаясь к своей спутнице: – Чего ты там встала, Зин? Проходи уже! Что за привычка торчать за спиной? Знаешь же, что я терпеть не могу вертеть башкой понапрасну... Так как мне увидеть кого-то из оперативников этого отдела? – Последний вопрос адресовался Старовойтовой.

– Я – оперативник этого отдела.

– Вы? Вы же – баба. Баба – оперативник? Это приколы такой?

На пару секунд в глазах Ольги блеснул недобрый огонек, но она совладала с эмоциями и сухо ответила:

– Во-первых, не баба, а женщина. А во-вторых, я – майор уголовного розыска. Старовойтова Ольга Викторовна. Если вам недостаточно одного моего слова, могу продемонстриро-

вать удостоверение. И наконец, в-третьих, переходите уже к сути дела. У вас какой-то вопрос? Хотите сделать заявление?

Некоторое время мужчина хранил молчание, недоверчиво глядя на Ольгу. Затем неопределенно хмыкнул:

– Ладно. – Он словно делал Старовойтовой одолжение, снисходя до разговора с ней. – Раз тут такие правила... Пусть будет женщина. В конце концов, мне наплевать. Лишь бы отнеслись с пониманием, а не как обычно. Я терпеть не могу, когда деньги налогоплательщиков уходят хрен знает куда, а никто нигде не чешется. Меня зовут Валентин. – Мужчина протянул руку через стол, рассчитывая на пожатие, но Ольга предпочла проигнорировать его жест. Валентин вновь неопределенно хмыкнул: – Ну да... Вы же женщина... Я не подумал... А это моя жена Зинаида. Зинка! Да поди уже сюда! Не беси меня! Возьми стул и сядь.

Женщина подчинилась. Правда, она не взяла стул, а прошла вперед и заняла место с края дивана, расположенного вдоль длинной стены. На Зинаиде было неприглядное, мышинного цвета шерстяное платье и высокие сапоги. Светлые крашеные волосы забраны в тугой пучок на затылке. Она негромко поздоровалась с Ольгой, и та ответила ей тем же. Затем майор вновь перевела взгляд на мужчину:

– Итак, я вас слушаю, Валентин.

– Я буду предельно краток. Терпеть не могу, когда кто-то долго рассусоливает не по существу! У нас пропала дочь, майор... Я хочу, чтобы вы нашли ее. Нет, даже не так. – Валентин недовольно засопел. – Я уверен, что нашу дочь похитили. И я хочу, чтобы вы нашли как ее, так и тех ублюдков, которые это устроили. Понимаете меня?

– Валя, но мы ведь не можем знать наверняка... – осторожно подала голос Зинаида, но муж так грозно зыркнул в ее сторону, что она предпочла за благо умолкнуть.

– Я знаю наверняка, Зина! Я знаю, и этого достаточно. Машка не могла испариться сама по себе! Ведь так? И уйти из дома без предупреждения она тоже не могла...

– Погодите, – вмешалась в дискуссию супругов Старовойтова и неторопливо положила перед собой пустой бланк. – Давайте по порядку. Когда пропала ваша дочь?

– Ее похитили!

– Хорошо, – не стала спорить Ольга. – Когда ее похитили?

– Позавчера. Позавчера вечером, если быть точным. Она отпросилась у меня погулять, и я видел в окно, как Машка села в машину к этому упырю. Кстати, номер машины я записал, так что вам несложно будет найти его через базу данных... Или как вы там это делаете...

– А что за упырь?

– Это молодой человек, с которым Маша встречается, – попыталась объяснить Зинаида, но уже в следующую секунду была безжалостно прервана грубым окриком супруга:

– Зинка! Не беси меня! Я терпеть этого не могу, ты же знаешь... И не вводи следствие в заблуждение. Что значит «встречалась»? Машка познакомилась с этим вырожденком всего неделю назад, если не меньше. И это называется «встречалась»? Ответьте, майор!

Старовойтова быстро сделала несколько коротких записей и тактично откликнулась:

– Я не могу отвечать за отношения вашей дочери. К тому же все это пока только эмоции. Рассказывайте дальше.

– А чего еще рассказывать? Мне кажется, я уже все сказал. Машка села к нему в машину позавчера вечером, и больше мы ее не видели. Она не пришла ночевать! Понимаете? Ни в тот день, ни вчера. Такого не было прежде...

– Вам звонил кто-нибудь? – Ольга сделала еще несколько записей.

– Кто?

– Не знаю. Похитители. С требованием выкупа, например.

– Нет. Никто не звонил.

– Письма, сообщения...

– Ничего такого не было. – Валентин нахмурился: – К чему вы клоните, майор? Говорите прямо. Я терпеть не могу, когда меня держат за дурака! Вы намекаете на то, что если никто не потребовал выкупа, то не было и никакого похищения?

– Мне кажется это логичным. – Манера общения заявителя раздражала Старовойтову все больше и больше. Она могла осадить мужчину, но ее сдерживало присутствие Зинаиды. Супруга Валентина и без того выглядела слишком затравленной. – А вам нет?

– Мне – нет! Если Машку не похищали, значит, она сама свалила? Без спроса? Так по вашей логике выходит?

– Мы не можем исключать такой вероятности...

– А я говорю вам, что такого быть не может! – Валентин резко поднялся на ноги, уперся ладонями в столешницу и буквально навис над Ольгой. – Я сам воспитывал свою дочь! И я знаю, на что она способна, а на что нет! Если вы найдете этого упыря, то найдете и Машку! Делайте, как я говорю!

– Валя, не заводись, – нервно заерзала на краешке дивана Зинаида. Казалось, женщина готова расплакаться в любую секунду.

– Заткнись!

Чаша терпения майора переполнилась. Ольга тоже поднялась на ноги и тоже уперлась руками в поверхность стола. Причем ее пальцы вроде бы случайно опустились на пальцы Валентина и придавили их. Мужчина попытался выдернуть руку, но не смог, лишь болезненно поморщился. Старовойтова изобразила на лице одну из самых добродушных своих улыбок.

– Давайте поступим так, Валентин, – спокойно произнесла она, глядя собеседнику в лицо. – Вы не будете указывать мне, что и как делать. Не будете кричать на свою жену в моем присутствии. И вообще будете вести себя согласно установленным нормам.

Он вновь попытался выдернуть пальцы, но вновь попытка не увенчалась успехом. К тому же боль в руке распространилась выше, почти до самого локтя.

– Ну что, мы договорились? – спросила Старовойтова.

Валентин коротко оглянулся на жену. На лбу мужчины выступили капли пота. Лицо заметно побледнело. Казалось, еще секунда, и он потеряет сознание. Боль ползла по руке все выше, подобно обвивающей ствол дерева анаконде.

– Договорились.

– Вот и славно. – Ольга убрала свою руку, заняла прежнее место за столом и продолжила заполнение бланка. – Присаживайтесь, Валентин. Присаживайтесь, и мы поговорим с вами как цивилизованные люди. Я понимаю ваше беспокойство, но и вы должны понять меня. Почему вы все же решили, что вашу дочь похитили?

Валентин сел. Потер онемевшую руку, не сводя глаз со Старовойтовой. Вся былая спесь слетела с него, как по мановению волшебной палочки.

– Потому что я знаю свою дочь, – повторил он, но уже без прежнего апломба. – Маша не так воспитана. Она не могла уйти сама. Не предупредив, не позвонив... Да, я обеспокоен, майор, и мое беспокойство небеспочвенно. Поверьте мне.

– Я верю. Как зовут вашу дочь? Полное имя.

– Демьяненко Мария Валентиновна.

– Возраст?

– Восемнадцать.

Некоторое время Старовойтова молча писала, не поднимая головы и не задавая новых вопросов. Рукав ее блузки на правой руке немного задрался, и Валентин заметил край татуировки. Что-то похожее на рыбий плавник.

– В последнее время в поведении Марии вы не замечали ничего необычного? Беспокойство? Нервозность? Агрессию?

– Нет, – уверенно заявил Валентин. – Ничего такого не было. Если, конечно, не считать необычным тот факт, что Машку угораздило связаться с этим отморозком.

– А вы что скажете, Зинаида?

– Я согласна с Валей, – тихо ответила женщина. – Ничего необычного не было. Маша... Она – хорошая девочка... И воспитанная. Даже если на час задерживалась дольше оговоренного срока, всегда звонила. А тут... Я не знаю, похитили ее или нет, но... Я очень волнуюсь. Тут что-то не так, Ольга Викторовна. Определенно что-то не так...

– А что с Машиным мобильником? – спросила Старовойтова. – Не отвечает? Или выключен?

– Выключен.

– Ясно. – Ольга сделала очередную запись. – А теперь вернемся к парню, с которым она уехала. Помимо упыря, выродка и отморозка, у него есть реальное имя?

– Николай, – первым ответил мужчина.

– А фамилия?

– Фамилии мы не знаем. Говорю же вам, они познакомились с Машкой около недели назад. Официально он нам представлен не был. Честно говоря, я и не думал, что у них может дойти до чего-то серьезного. Они с Машкой очень разные, и я не понимаю, что она могла в нем найти... А я терпеть не могу, когда чего-то не понимаю. Меня это бесит!

– Не заводитесь, Валентин, – добродушно посоветовала Старовойтова и многозначительно посмотрела на него. Он понял ее намек. – Лучше постарайтесь припомнить... Вам известно хоть что-то об этом молодом человеке?

– Он вроде механик, – с неприкрытым презрением сообщил Валентин. – Работает в каком-то СТО на окраине города. Точного места не назову. Но ведь я уже сказал вам, что у меня есть номер его машины...

– Я помню. И это нам очень пригодится в поисках.

– Маша еще говорила, что он увлекается уличными гонками, – все так же тихо добавила Зинаида. – Вскользь упомянула, а я почему-то запомнила. Мне показалось это диким, а Маша, напротив, сказала, что это очень увлекательно. Она наблюдала за одной из таких гонок.

– Где проходили эти гонки?

– Она не говорила.

Старовойтова снова склонилась над бланком и сделала несколько записей. Закончив писать, пододвинула бланк к сидящему напротив Валентину:

– Ознакомьтесь с заявлением и подпишите его. В специально пропущенном месте укажите марку и номер автомобиля, на котором уехала ваша дочь. И еще... На всякий случай, мне понадобятся все ее контакты. Подруги, бывшие парни, просто знакомые, с которыми она общается чаще остальных...

– Хорошо, – откликнулась Зинаида, в то время как ее муж углубился в изучение документа.

Сыщики предъявили на входе в больницу свои служебные удостоверения и направились к лифту. Гуров нажал кнопку вызова. В кармане куртки Крячко запиликал мобильник, Станислав достал его, бросил взгляд на экран, поморщился, но отвечать не стал. Сунул аппарат обратно в карман.

– Так что у тебя там стряслось, Стас? – покачав головой, спросил Лев. – Что за проблемы личного характера?

– Даже не вспоминай! – Лицо Крячко омрачилось еще больше. – Самая настоящая засада! Хлеще не бывает, Лева! Я уже третью ночь провожу без сна.

– Ну, я думал проблемы такого характера для тебя давно уже не проблемы.

– Не. Тут другое. Я провожу третью ночь без сна один. В метаниях. Ты ведь в курсе, что я пытаюсь наладить отношения с Олей?

– В курсе, – ответил Гуров. – И, насколько я знаю, пока безуспешно.

– За последние два месяца у вас было два официальных свидания, которые ничем не закончились. Или я чего-то не знаю?

– Все так, – вынужден был признать Крячко, но ни грусти, ни разочарования в его голосе не было. – Только какое это имеет значение, Лева? Два свидания или десять... Я вижу прогресс по ее глазам. По ее взглядам, жестам... Поверь мне на слово, старик. Я в этом деле специалист.

– Тогда в чем проблема?

Крячко ответил не сразу. Лифт миновал четвертый этаж. Установившееся на некоторое время молчание нарушало только напряженное посапывание Станислава. Лев не торопил его. Он знал, что долго играть в молчанку напарник не сможет. Это было не в его правилах.

– Где-то месяц назад я совершил серьезную ошибку. – Станислав несколько раз энергично дернул головой, похрустывая шейными суставами. При этом его взгляд был обращен не на Гурова, а на закрытые двери лифта. Он словно говорил сам с собой. – То есть на тот момент я, конечно, не догадывался, насколько серьезной станет эта ошибка... Короче, я встретил одну старую знакомую... Как истинный джентльмен не буду называть ее имени... Мы поужинали, немного выпили, я пригласил ее к себе... И...

– Дальше можешь не продолжать, – остановил его Гуров. – Я догадался, чем закончилось дело.

– Ну да... Все так и было. – Крячко раздосадованно скрипнул зубами. – Наутро тоже была привычная схема – мы разбежались, как в море корабли. Я и думать забыл об этом инциденте. А три дня назад она звонит мне и сообщает, что у нее задержка. И что с большой долей вероятности я стану отцом. Утверждает, что, кроме меня, у нее ни с кем не было близости. У меня было такое чувство, словно я хук в челюсть пропустил...

Двери лифта открылись. Гуров первым покинул кабину и огляделся. По длинному светлому коридору в сторону сыщиков двигалась женщина средних лет в белоснежном халате. Крячко остановился за спиной напарника. Когда женщина поравнялась с ними, Лев вежливо обратился к ней:

– Простите, вы не подскажете, как нам найти кабинет главного врача?

– Предпоследняя дверь справа, – указала рукой в дальний конец коридора женщина. – Только главного нет... Есть его зам. И он же временно исполняющий обязанности главного...

– Господин Златогорский? – уточнил сыщик.

– Совершенно верно.

– Благодарю вас.

Гуров двинулся по коридору в заданном направлении. Крячко едва поспевал за напарником.

Дойдя до нужной двери, Гуров постучался и, не дожидаясь ответа, решительно переступил порог кабинета. Темноволосый мужчина лет сорока с зализанными на косой пробор волосами и гладко выбритым до синевы подбородком быстро поднялся из-за стола. Он с первого взгляда понял, кто к нему пожаловал, и на мгновение мелькнувший в синих миндалевидных глазах испуг совершенно не понравился сыщику.

– Златогорский Сергей Александрович? – Лев расстегнул пиджак и одновременно выудил из внутреннего кармана служебное удостоверение. – Мы из уголовного розыска. Главное управление. Моя фамилия Гуров. А это полковник Крячко.

Златогорский вышел из-за стола и стремительно кинулся навстречу визитерам. На удостоверение Гурова он даже не взглянул. Крепко пожал ладонь полковника двумя руками. Затем точно таким же сердечным рукопожатием наградил и Станислава, после чего затараторил:

– Проходите, господа, проходите. Да... Златогорский – это я. И я ждал вашего визита... С самого утра. Даже успел изрядно переволноваться, честное слово... Хотите чай? Или кофе?.. Или?.. Я даже не знаю, как нужно встречать представителей власти... Да еще при таких обстоятельствах. Мне никогда еще не приходилось общаться с полицией. Для меня это как... В общем, не знаю... Вся эта ситуация с Виктором Петровичем буквально выбила меня из колеи. Трудно поверить, что случившееся – реальность, а не какая-то безумная выдумка. Это как... Это как... – Златогорский силился подобрать какое-нибудь сравнение, но не мог.

– Как хук в челюсть, – подсказал Крячко.

– Что? – временно исполняющий обязанности главного врача удивленно перевел на него взгляд.

– Мы присядем, Сергей Александрович? – тут же перехватил инициативу разговора Лев, не забыв при этом наградить напарника суровым взглядом.

– Да, конечно. Прошу вас.

Златогорский указал рукой на диван. Дождался, пока сыщики сядут, и только после этого сам разместился в кресле напротив, по-женски скрестив ноги и переплетя пальцы рук. Испуг по-прежнему таился в уголках его синих глаз, и это настораживало Гурова. Он смерил Златогорского долгим пристальным взглядом. Сергей Александрович был облачен в розовую рубашку, черные со стрелками брюки и начищенные до блеска туфли.

– Из ваших слов, Сергей Александрович, я понял, что вам уже известно о самоубийстве Виктора Куприянова, – не столько вопросительно, сколько утвердительно произнес полковник.

– Увы, – потупил взгляд Златогорский. – Нам позвонили и сообщили почти сразу же. Сначала из больницы, куда поместили бедняжку Елизавету Андреевну, а потом и из полиции... А буквально через полчаса со мной связались из Министерства здравоохранения... Учитывая то, что я был замом Виктора Петровича на протяжении последних шести лет, мне предложили... Да что там предложили! – Врач расплел пальцы и в сердцах махнул рукой. – Никакого предложения и не было. Меня фактически поставили перед фактом... Сказали, что я должен занять место покойного Виктора Петровича...

– А вы этого не хотели? – со скупающей интонацией бросил Крячко. Он даже зевнул при этом, слегка прикрыв рот ладонью.

Златогорский вздрогнул. Испуг в его глазах стал более явным.

– Боже мой, нет! Вы можете мне не верить, но я действительно не хотел этого. – Сергей Александрович быстро переводил взгляд с Гурова на Крячко и обратно. – Должность зама меня вполне устраивала. Я не стремился к большему. Никогда! Главврач – это большая ответственность. Огромная ответственность. Зачем мне лишняя головная боль? Посудите сами... А сейчас... Меня назначили временно исполняющим обязанности. Это пока не такая ответственность. Но если решат убрать приставку «и.о.»...

– А ее уберут? – На этот раз вопрос последовал от Гурова.

– Не знаю, – пожал плечами Златогорский. – Это будет решаться в министерстве. В самое ближайшее время, я полагаю. С меня либо снимут приставку «и.о.», либо назначат кого-то другого. Но... Я надеюсь, что вы не подозреваете меня? Вы ведь не думаете, что это я все подстроил? Довел Виктора Петровича до самоубийства?... Звучит абсурдно, но вы подозреваете или нет?

– Скажем так, Сергей Александрович, – ответил Гуров после непродолжительной паузы, – мы не исключаем такой возможности. Вы – первый, кто выигрывает от смерти Куприянова.

– Нет! – В голосе Златогорского прорезались визгливые нотки. Он вновь сплел пальцы рук. – Ничего я не выигрываю! Говорю же вам, место главврача – ответственный пост, и я не желаю его. Никогда не желал...

– Хорошо, – не стал спорить полковник. – А от кого первого вы узнали о самоубийстве Куприянова, Сергей Александрович?

Златогорский растерялся. Вопрос сыщика обескуражил его и поставил в тупик. Он несколько раз нервно сморгнул.

– Так это... Я ведь уже сказал вам. Сначала позвонили из больницы, куда...

– А кто именно позвонил?

– Я... Я не знаю... Это была женщина... – Златогорский с каждой секундой нервничал все больше. – Кажется, она представилась как-то, но я... Я не запомнил. Я был так ошарашен услышанным.

– Ошарашены? – Гуров слегка подался вперед, и диван скрипнул под весом его тела. – То есть вы хотите сказать, что эта новость прозвучала для вас неожиданно, Сергей Александрович? О самоубийстве Куприянова?

– Конечно! Конечно, неожиданно!.. А как могло быть иначе?

– Иначе могло быть так, что Куприянов уже накануне сообщил вам о своем намерении.

На этот раз Златогорский все-таки не выдержал и вскочил на ноги. Но Лев не собирался останавливаться на достигнутом. Он намеревался дожать медика:

– По нашим данным, Сергей Александрович, самоубийство Куприянова произошло в интервале от двух до трех часов ночи. И прямо перед этим он сделал последний звонок со своего мобильного. Вам. Звонок состоялся в час тридцать восемь...

– Нет-нет-нет! – Златогорский заметался по кабинету, как пойманный зверь в клетке, обхватив при этом голову двумя руками, от чего прическа его утратила свою первоначальную прилизанную укладку. – Он ничего не говорил мне! Клянусь вам! Я не знал!.. Я не знал, что он собирается сделать! Поверьте... Вы должны мне верить.

– Хотите сказать, что Виктор Петрович позвонил вам в половине второго ночи только для того, чтобы пожелать сладких снов? – усмехнулся Крячко.

Златогорский резко остановился. Сдавил ладонями виски. Испуганный взгляд сфокусировался на какой-то абстрактной точке в пространстве.

– О господи! – на выдохе произнес он. – Этого я и боялся... Боялся, что об этом звонке станет известно и что... Я окажусь под подозрением. Господи боже мой! Зачем?.. Зачем он только звонил мне!

– Вот и мы хотим знать: «зачем?» – невозмутимо откликнулся Гуров.

– В тот момент я еще ничего не понимал... Только сегодня, когда стало известно о смерти Виктора Петровича, я понял, к чему был этот звонок. И понял, что это может существенно навредить моей репутации... Вызвать подозрения... Но вчера... – Сергей Александрович занял прежнее место в кресле. Положил руки на колени. Его пальцы слегка дрожали. – Я уже спал, когда раздался этот злополучный звонок. Виктор Петрович разбудил меня. И я... Я плохо соображал со сна...

– Что он сказал?

– Да в том-то и дело, что ничего толком не сказал. Спросил только, готов ли я завтра принять все дела... Временно занять его место... Но о самоубийстве не было ни слова. Он даже не намекнул на это... Я решил, что речь идет об увольнении. Об окончательном решении уйти наконец на пенсию, не более того, поэтому я сказал ему, что готов. Он поблагодарил меня, пожелал удачи, кажется, и повесил трубку. Вот и весь разговор. Уверяю вас! Или вы хотите сказать, что не дай я свое согласие, Виктор Петрович не решился бы?.. Получается, я подтолкнул его? Да?

Гуров и Крячко коротко переглянулись. Речь Златогорского показалась им обоим вполне искренней. Врач выжидательно смотрел на сыщиков.

– А днем раньше? – задал новый вопрос Гуров. – В тот день, когда Куприянов не вышел на работу? Нам известно, что тогда он тоже звонил вам несколько раз.

– Шесть звонков, если быть точным, – ввернул Крячко.

– В тот день... – Златогорский наморщил лоб, вспоминая. – Да... Наверное, звонил. И не единожды, вы правы. Но в тех звонках вообще не было никаких намеков... Они все были исключительно по работе. Я солгал бы вам, если бы сказал, что последние пару-тройку дней Виктор Петрович вел себя как обычно... Нет. Это было не так. Он был взволнован, обеспокоен чем-то. Я видел это... Все видели. И я даже, помню, поинтересовался, в чем дело, но Виктор Петрович ничего не ответил. Он не стал со мной делиться. А звонки в тот день, когда его не было на работе... Говорю же вам, это были какие-то обычные рабочие моменты.

– Жена Куприянова сказала, что Виктор Петрович ругался по телефону.

– Это не со мной, – живо открестился Златогорский. – Ничего такого... Честное слово! Со мной он не ругался. Может, с кем-то другим... Ведь он наверняка звонил в тот день не только мне.

– Это правда, – кивнул Гуров. – В тот день звонки были адресованы не только вам. И с остальными абонентами мы тоже побеседуем. Непременно. А что было на следующий день, Сергей Александрович? Вчера. Елизавета Андреевна сообщила нам, что ее муж весь день провел на работе. Это так?

– Да. Он был здесь.

Златогорский немного успокоился, но пальцы, лежащие на коленях, продолжали мелко подрагивать.

– Чем он занимался?

– Не могу вам точно сказать. Я вчера почти не видел Виктора Петровича. Он почти весь день провел в хирургическом отделении.

– В хирургическом? – Гуров вновь многозначительно переглянулся с напарником.

– Да. Он и в кабинете своем... В этом кабинете... – Сергей Александрович сделал широкий жест рукой. – Был только с утра, а потом появился к концу рабочего дня. Но сидел тут долго. Что-то около полутора часов. А потом уехал домой... Так и не сказав мне, что его обеспокоило... А ночью – звонок... Ну, об этом вы уже знаете, – понурился Златогорский. – Я говорю вам правду. Поверьте мне... Мне нечего скрывать. Да и незачем.

– Разберемся, – сухо ответил Крячко.

– Мы хотели бы навестить в хирургическое отделение, Сергей Александрович, – поднявшись с дивана, сказал Лев, – и задать пару вопросов заведующему. Ермаков, кажется, его фамилия? Верно?

– Да. Ермаков Дмитрий Ульянович.

– Нам нужно с ним пообщаться. И с его замом тоже.

– С Перекатновым?

Полковник кивнул.

– Можете это устроить, Сергей Александрович?

Глава 2

Бизон посмотрел в дверной глазок и только после этого повернул ключ в замке. Отворил дверь и отступил назад, впуская в полутемное подвальное помещение высокого мужчину в сером плаще и такой же серой шляпе.

– Ты один? – Голос визитера был скрипучим, как несмазанные петли старенькой калитки. Он снял шляпу и машинально пригладил волосы на макушке.

– Нет. Мюллер здесь. Он там... – Бизон неопределенно мотнул головой назад. – С клиентом работает. Должен скоро закончить. Минут пять или десять, по моим прикидкам... А Макс в гараже. Тебе кто нужен-то? Мюллер?

– Вообще-то мне нужно поговорить и с ним, и с тобой. – Держа шляпу в руках, мужчина обогнул Бизона и двинулся по темному проходу. Коридор упирался в металлическую дверь, из-под которой робко пробивалась полоса света. – Как все прошло?

– Как обычно. Чин-чинарем. – Бизон закурил сигарету. Пламя зажигалки на пару секунд осветило его лицо с кроваво-красными белками глаз. – У меня и моих ребят осечек не бывает, босс. На этот счет можешь быть спок.

– Я чувствовал бы себя увереннее, не находишь ты все время под кайфом.

– Одно другому не мешает, босс.

– До поры до времени.

Мужчина в сером плаще приоткрыл металлическую дверь. Всего на пару сантиметров. В нос резко ударила смесь запахов крови и медикаментов. Худощавый сутулый человек в белом халате стоял, склонившись над прямоугольным столом. Голову распластанного перед ним тела накрывала забрызганная кровью простыня. С противоположной стороны торчали босые синюшные ноги. Человек в белом халате негромко напевал что-то себе под нос.

– Вдохновенно работает, – хмыкнул Бизон за спиной визитера. – Но я не могу наблюдать за ним долго. Тошнить начинает. Да и сам Мюллер не очень-то любит, когда кто-то смотрит ему под руку. Его это, типа, отвлекает. Ты же слышал, как он напорточил в позапрошлый раз? И знаешь почему? Только потому, что Макс зашел и спросил, не хочет ли он перекурить. Ты бы слышал, как Мюллер орал на него. И скальпелем чуть не пырнул. В натуре.

Мужчина в сером плаще мягко закрыл дверь и произнес:

– У нас небольшие проблемы. Но я надеюсь, что это временно.

– А чего случилось? – насторожился Бизон.

– В шестой горбольнице хиппиш. – Они оба вернулись по коридору обратно и остановились у лестницы, ведущей из подвала в гараж. – Главврач сыграл в ящик. По собственной инициативе. Удавился, короче.

– А к нам это каким боком?

– Там сейчас менты шерстят. И я боюсь, что наш человечек тоже может оказаться у них под прицелом... – Мужчина в сером плаще выдержал паузу и продолжил: – Но даже если этого не случится, соваться сейчас туда рискованно. Надо подождать, пока все устаканится.

– И долго ждать?

– Неделю – точно, – мрачно откликнулся собеседник. – Но нам и такой простой сейчас не в жилу. У меня три горящих заказа висят. Два на сердце и один на селезенку. Я хочу, чтобы ты отправил туда Макса. Пусть разведает обстановку на месте.

– Куда?

– В шестую. Куда же еще? Пусть походит там, осмотрится... Узнает, что нарыли менты и в какую сторону они смотрят.

– Лады. Сделаем, босс. Отправлю его сегодня же.

– Когда у вас следующая вылазка?

– Планировали сегодня. После гонок. Мюллер уже дал наводку. Колян сейчас вентилирует почву. Времени ему хватит. И тогда мы... Хочешь приостановить процесс, босс?

Мужчина в плаще подумал немного, затем отрицательно покачал головой:

– Не надо. Если что, я придержу товар у себя. По большому счету, неделя – не такой уж и критический срок. Но если хипиш продлится дольше... – Он неприязненно поморщился. – Мы можем почти на «лимон» пролететь. Кто ваша жертва послезавтра? Мужчина или женщина?

– Мужчина. Какой-то университетский мудила, как я понял со слов Мюллера. То ли доцент, то ли заведующий кафедрой. Я ж не вникаю в такие детали, босс. Все клиенты, которых он находит, для меня просто потенциальные «жмурики». Мясо... Так какая разница, чем и как они жили до этого?

Мужчина в плаще ничего не ответил. В конце коридора отворилась металлическая дверь, и в образовавшемся световом пространстве появилась сутуловатая фигура Мюллера. Его белый халат на груди был испачкан кровью. Он осторожно снял его и бросил в урну. Заметив мужчину в сером плаще, Мюллер расплылся в счастливой улыбке. Вдохнул воздух полной грудью и без всяких приветствий поинтересовался:

– Как там на улице, босс?

– Холодно. И ветрено.

– Осень, – мечтательно протянул Мюллер. – Знаете, за что я люблю осень, босс? Все старое отмирает, а новое рождается. Это происходит не весной, как многие думают, а именно осенью. Иссушенная жарой почва получает свежее дыхание. А вместе с ней перерождается и весь мир. – Он замолчал и бережно разгладил двумя пальцами щеголеватую ниточку усов над верхней губой. – Я все приготовил для вас, босс. Два контейнера. Один с сердцем и один с почками. Органы в отличнейшем состоянии. Впрочем, я знал это заранее... Заберете?

– Заберу, – кивнул мужчина в сером плаще и вновь обернулся к Бизону: – Избавьтесь от тела. Как обычно, частями. И поговори с Максом, о чем я просил.

– Все сделаем.

Бизон дважды коротко стукнул себя по груди кулаком, как это делали древние римляне, заверяя Цезаря в своей безграничной преданности, и двинулся вверх по лестнице. Мужчина в сером плаще проводил его взглядом. Переложил шляпу из одной руки в другую. Мюллер подозрительно прищурился и, захлопнув металлическую дверь, подошел к нему:

– Что-то случилось, босс?

– Есть небольшие проблемы. Но, полагаю, решаемые. Беспокоиться не о чем.

– То есть мы продолжаем работать в штатном режиме?

– Да. – Мужчина покосился в сторону лестницы и понизил голос до шепота: – Кстати, у меня будет к тебе личная просьба, приятель.

– Все что угодно.

– Ты приглядывай за Бизоном. Ладно? Я знаю, что он в вашей группе вроде как за центрального, но... В последнее время... Наркота его губит, Мюллер.

– Я это заметил.

– И его обычная уверенность перерастает в самоуверенность. Мне не хотелось бы, чтобы в итоге он погубил весь наш бизнес. В это дело вложено слишком много. Лично мной...

– Я знаю, босс. – Мюллер снова широко улыбнулся. – Но особых поводов для беспокойства нет. Поверьте на слово человеку, который знает Бизона еще с ясельных лет. Вся его жизнь, как серфинг: то он на гребне волны, то плавно опускается вниз. Но при этом он ни разу не потерял равновесия. А это самое главное. Вы представляете себе серфинг?

– В общих чертах.

– Этого мало. – Лицо Мюллера было скрыто в полумраке, и его собеседник не мог знать наверняка, иронизирует ли он или говорит вполне серьезно. Мужчина в сером плаще не впервые уже поймал себя на мысли, что хоть он и являлся организатором данной преступной груп-

пировки, в глубине души все же здорово побаивался этих парней. По его твердому убеждению, в них не было ничего человеческого. – Серфинг нельзя представить в общих чертах. Его надо прочувствовать. Опасность, риск, выброс адреналина... Это как пятая стихия, босс.

– Я и не знал, что вы увлекаетесь серфингом, – усмехнулся мужчина.

– Уже нет. – В голосе Мюллера прозвучали печальные нотки. – В столице, к сожалению, с этим не развернешься. Так что приходится выбирать... Но мы занимаемся кое-чем другим. В чем-то сходном по замыслу...

– Да, я знаю. Гонки.

– Гонки, – кивнул Мюллер. – Это почти та же стихия... Но мы говорили о Бизоне, босс. И я лишь хотел успокоить вас. Бизон – часть стихии. И на него можно положиться. Всегда. Вне зависимости от того, где он находится в этот момент – на гребне волны или под ней, в лидерах гонки или на обочине в горящем остове машины... Бизон в любом случае остается самим собой. Так что... За ним не нужно приглядывать, босс. Приглядывайте лучше за своими заказчиками. И тогда все в нашем бизнесе будет ровно.

Последние слова Мюллера прозвучали как скрытая угроза. И человек в сером плаще это почувствовал. По спине, вдоль всего позвоночника, пробежал предательский холодок.

Мюллер сделал еще пару шагов вперед, вплотную приблизился к мужчине и довольно фамильярно похлопал его по плечу:

– Вы и ваш бизнес в надежных руках, босс. И под надежным прикрытием. Будьте уверены... Я принесу контейнеры. – Он резко развернулся и зашагал обратно к металлической двери подвала.

«Псих», – как молния, пронеслось в голове мужчины в сером плаще.

– Леля! Глазам своим не верю! – Широкоплечий верзила с огромным ожогом вполлица небрежно бросил на стол кий и, прихрамывая, устремился навстречу Старовойтовой. – Когда ты позвонила, я думал, ты просто прикалываешься. Но ты и правда тут! В Москве! Давно приехала?

Они тепло обнялись. Узнать в Ольге майора уголовного розыска не представлялось возможным. На ней были рваные серые джинсы в обтяжку и черная кожанка с косым замком.

– Пару недель назад.

– И какими судьбами, если не секрет? – игриво подмигнул ей верзила.

– Да какие у меня от тебя могут быть секреты, Жорж, – рассмеялась Старовойтова. Она прошла к маленькому круглому столику, стоявшему слева от бильярда, не глядя, подхватила с него одну из початых бутылок пива и жадно припала к горлышку. – Я и сама ничего не знаю. Я же как «перекати-поле» – сегодня здесь, завтра там... Честно говоря, я двигалась на юг, но вот решила заскочить по пути в родные пенаты. Повидаться со старыми друзьями... И ты один из них, Жорж. Сколько мы с тобой не виделись? Лет десять? Пятнадцать?

Ольга взяла оставленный мужчиной кий, неспешно прошла вдоль бильярдного стола, выбрала наиболее сложный по исполнению шар, склонилась и коротко, без подготовки, нанесла удар. Шар мягко и бесшумно скрылся в лузе.

– Ну, где-то так, – ответил мужчина. – Последний раз мы вместе бухали, когда тебя выперли с пятого курса юридического.

– Точно-точно, – рассмеялась Старовойтова и дулетом от длинного борта отправила еще один шар в центральную лузу. – Припоминаю. Знатная, кстати, была попойка. И ты меня здорово выручил тогда, Жорж. Я ведь совсем без лавэ осталась. Без них, без жилья, без перспектив на будущее... Но как видишь, выжила. Человек – вообще живучая тварь, скажу я тебе. Кстати, могу вернуть тебе долг. Я сейчас нормально упакована.

– Забудь! – Жорж опустил на стул и подозрительно сощурился, глядя на изогнутую спину давней подруги. Ольга примеривалась к очередному шару. – Я еще тогда тебе сказал, что это безвозмездно...

– Я помню.

– Давай лучше начистоту, Леля. Зачем ты здесь?

Кий хлестко щелкнул по шару из слоновой кости. Биток завертелся юлой, медленно пополз к ближайшей от Ольги лузе, завис на самом краешке, качнулся и все же рухнул в перепачканную мелом сетку. Старовойтова обернулась. Ее глаза встретились с глазами мужчины.

– Только без баек, – сурово предупредил он. – Согласись, что я не заслужил от тебя вранья.

Ольга открыто улыбнулась, осторожно поставила кий и картинно развела руки в стороны:

– Ладно. От тебя ничего не скроешь, Жорж. Ты – один из немногих в этом паршивом мире, кто читает меня, как открытую книгу. Мне нужна твоя помощь.

– Так я и думал, – хмыкнул мужчина. – И какая же?

Ольга села за круглый столик напротив него, сняла кожанку и небрежно бросила ее на спинку.

– Принеси нам четыре бутылки пива, бой, – не глядя, сказала она подошедшему маркеру. – И чего-нибудь пожевать. Солененького. На собственное усмотрение.

Облегающая черная майка-борцовка, выгодно подчеркивающая форму тела Старовойтой, невольно заставила Жоржа сфокусировать взгляд на ее обнаженных руках. С правой стороны, почти от самого запястья до локтя, тянулась татуировка с изображением русалки. Выше, на самом плече, была выбита еще одна в виде светящего маяка. На левом плече красовалась обвитая колючей проволокой роза, а под ней слово «Бес». В районе ключицы Жорж заметил и еще кое-что. Застарелый шрам от пулевого ранения. На груди Старовойтовой поверх борцовки болтался массивный золотой крест, но не на цепочке, а на эластичном черном шнурке.

– Я ищу кое-кого, Жорж, – призналась она. – И решила, что ты сможешь помочь мне в поисках. Слышала, ты одно время профессионально занимался гонками. Тебе вроде даже прочили участие в «Формуле-1»...

– Было дело, – хмыкнул мужчина, оторвав взгляд от разрисованных рук подруги. – Гонял, пока мог. Но четыре года назад авария поставила крест на моем увлечении. И на моих амбициях. – Он указал пальцем на обожженную часть лица. – Я тогда чуть копыта не отбросил. Пять дней в коме... Врачи были настроены крайне пессимистично... Но как ты верно заметила пару минут назад, человек – живучая тварь... В общем, мне удалось выкарабкаться. Отделался ожогом и покалеченной ногой. С гонками пришлось завязать...

– На профессиональном уровне, – ввернула Старовойтова. – А как любитель? Гоняешь? Только не говори мне, что не гоняешь. Ни за что не поверю. Я тоже умею распознавать ложь, Жорж.

Маркер доставил пиво и сушеную соломку на блюде. Ольга тут же откупорила одну бутылку и сделала большой жадный глоток. Жорж не торопился с ответом, дожидаясь, пока маркер удалится. К пиву он не притронулся.

– Почему ты спрашиваешь, Леля? Человек, которого ты ищешь, как-то связан с уличными гонками?

– В самую точку, Жорж. – Она сделала еще один глоток, затем сунула руку в задний карман джинсов, достала сложенный пополам лист бумаги, развернула его и положила на стол перед собеседником. Это был фоторобот молодого светловолосого парнишки с маленькими глазками и широкой, как у боксера, челюстью. – Его зовут Николай. И он связан с гонками. Приходилось его видеть раньше, Жорж?

Бывший гонщик лишь мельком взглянул на портрет. Ольга криво усмехнулась – Жорж определенно узнал человека на портрете, это было понятно по выражению его глаз.

– Если бы я не знал тебя, Леля, – неторопливо произнес мужчина, – я бы решил, что ты из полиции.

– Да брось, Жорж! – рассмеялась Старовойтова. – Взгляни на меня. Где я, а где менты...

– Но фоторобот ментовский, – пожал он плечами.

– Я сняла его со стены возле райотдела. Менты его ищут – это факт. Но я хочу добраться до сучонка раньше них.

– Зачем он тебе?

– Теперь у меня зародились подозрения, что ты подрабатываешь на «мусоров», Жорж, – снова засмеялась Ольга. – Мордуешь вопросами не хуже, чем на очнике... К чему тебе лишний головняк? Так и масло в чайнике перекипит, братишка. Не засоряй башку. Скажу только, что эта крыса не очень красиво обошлась с одной моей подругой. А мне такие выкрутасы не по душе. Так знаешь его? Или как?

– Да, знаю. Видел. – Жорж тоже откупорил ближайшую к нему бутылку пива. – Не скажу, что знаком лично, но... Этот парень не столько гонщик, сколько механик. Хотя иногда и сам пилотнуть может, если надо... – Он сделал небольшой глоток и, выдержав достаточно длительную паузу, продолжил: – Я тебя не из любопытства спрашиваю, Леля... Тут другое. Не хочу, чтобы ты влезла в очередные неприятности...

– А этот Николай – разносчик неприятностей, что ли?

– Думаю, да, – уклончиво ответил Жорж, а затем, вновь помолчав немного, пустился в объяснения: – Любители гоняют на Выборгском шоссе. Почти каждую ночь. Делают ставки, крутят на этом нехилые бабки... Это, мягко говоря, незаконно, как ты и сама, наверное, понимаешь, но менты смотрят сквозь пальцы. За определенную отстежку, я полагаю... И там не просто каждый гоняет сам по себе, Леля. Есть клубная система... И есть несколько ведущих авторитетных клубов, которые и делают погоду на этих гонках. Я пытался вписаться в систему, но не смог... Гонять под ярмом – это не мое. Я, конечно, время от времени навещаюсь туда, но не принимаю участие в гонках со ставками. Промчусь, бывает, пару раз для души... Сгоню тоску по прошлому... И отчаливаю. А этот твой кадр... Николай... Он в системе. Группировкой, в которую он входит, руководит некто Бизон. Весьма опасный тип. И отмороженный на всю голову... До меня доходили кое-какие слухи...

– Какие слухи? – подалась вперед Старовойтова.

– Ну... Типа, гонки – не единственное хобби группировки Бизона. У них вроде как есть дела и посерьезнее, – поморщился Жорж. – Говорю же тебе, эти парни – отморозки. Так что, если не хочешь еще одну такую дырку, – кивнул он на шрам Старовойтовой в области левой ключицы, – не суйся к ним. Обида, нанесенная твоей подруге, того не стоит.

Однако Ольга несогласно покачала головой и, поднявшись, вернулась к бильярдному столу. Взяв в руки кий, она пристально посмотрела на Жоржа и произнесла:

– Я так не думаю. Я давно уяснила для себя одну непреложную истину. Если в этом мире и есть что-то по-настоящему бесценное, так это дружба. Все остальное пыль.

– То есть мне тебя не отговорить?

– Не-а. Не родился еще тот человек, который смог бы отговорить меня от чего-то задуманного. Я всегда иду до конца, Жорж. Это мое кредо.

– А я-то наивно полагал, что мы с тобой просто посидим, выпьем, вспомним молодость... – вздохнул бывший гонщик.

– Так и будет, Жорж, – заверила его Старовойтова. – Так и будет. Поверь. Но сначала я хочу повидаться с этим отморозком.

– И чем я тебе могу помочь? – с явной неохотой спросил мужчина.

– Мне нужна тачка. Хорошая и быстрая. И ни разу не засвеченная на Выборгском шоссе. Найдется у тебя такая, Жорж?

Ермаков и Перекатнов молча расположились в разных углах кабинета. При этом они даже не взглянули друг на друга. И данное обстоятельство не ускользнуло от внимания Гурова.

Заведующий хирургическим отделением Дмитрий Ульянович, невысокий седовласый старец с большим шишкообразным носом и плотно поджатыми синюшными губами, расположился не на своем привычном месте, за рабочим столом, а в глубоком кресле возле окна. Снял с переносицы очки, протер их и водрузил на прежнее место. Взгляд Ермакова был грустным, но в нем не наблюдалось ни капли беспокойства. Желание сыщиков пообщаться с ним в связи с самоубийством Куприянова ничуть не удивило заведующего отделением. Он принял это как должное. Белый халат Дмитрия Ульяновича был застегнут на все пуговицы. Он буркнул себе под нос что-то неразборчивое.

Константин Перекатнов, его заместитель, был значительно моложе. Практически вдвое. На вид ему было никак не больше тридцати пяти лет. Правильные черты лица, уверенный взгляд, гордая осанка, аккуратно уложенные густые волосы. Такие молодые люди пользуются огромным успехом у противоположного пола.

Константин занял место на стуле, рядом с выходом, забросил ногу на ногу и демонстративно кинул взгляд на дорогие наручные часы. Его халат в отличие от коллеги был распахнут, выставляя на обозрение стильный костюм в тонкую полоску. Ворот белоснежной рубашки, лишенный галстука, расстегнут на две пуговицы.

Крячко, переступив порог кабинета следом за напарником, прикрыл за собой дверь и лениво привалился к косяку. Гуров некоторое время хранил сосредоточенное молчание, наблюдая за лицами хирургов. Интуиция подсказывала сыщику, что между Ермаковым и Перекатновым не существовало взаимной симпатии.

– Итак, господа, – наконец произнес он, подходя к рабочему столу Дмитрия Ульяновича, но сел не в его кресло, а сбоку, на место посетителя, откуда по-прежнему имел возможность держать в поле зрения обоих мужчин. – Думаю, мы можем опустить формальности. Наверняка вам уже прекрасно известно, кто мы и какое ведомство представляем.

– Наслышаны, – хмыкнул Перекатнов и снова взглянул на часы. – В больнице слухи распространяются быстрее, чем в борделе. Уверен, что во всем здании не найдется даже какой-нибудь глухонемой нянечки, которая не обсуждала бы сейчас с коллегами ваш визит. Непонятно только одно, уважаемые. С чего такой интерес именно к нам и к нашему отделению? Просто я дико извиняюсь, но через пару часов у меня назначена плановая операция...

– Мы не отнимем много времени, – заверил хирурга Крячко. – Впрочем... Это будет зависеть от вас. От того, насколько быстро и искренне вы сможете прояснить интересующую нас ситуацию.

– Какую ситуацию?

– А вы не в курсе? – Голос Станислава наполнился иронией. – Разве слухи тут распространяются не быстрее, чем в борделе? Главный врач вашей больницы несколько часов назад покончил жизнь самоубийством.

– Это мы знаем, – кивнул Перекатнов. – Я даже пытался связаться с Елизаветой Андреевной и выразить ей свои соболезнования. Виктор Петрович был моим учителем и наставником. В прямом смысле этого слова. Я учился у него на курсе. У него и у Дмитрия Ульяновича. И история с самоубийством, конечно, паскудная... Неприятная история, я хочу сказать. Еще вчера ты общался с человеком, а сегодня... Сегодня его уже нет. Да... Но нам нередко приходится сталкиваться со смертью. Такая работа... Однако я все еще не понимаю, о чем вы хотите поговорить с нами? Вы намекнули на какую-то искренность... Не так ли?

– Нет, – невозмутимо ответил Крячко. – Я не намекал. Я сказал об этом прямо.

– А что за искренность? В отношении чего? – удивленно изогнул левую бровь Перекатнов.

– Константин... – Гуров посчитал, что ему пора взять инициативу на себя и прояснить ситуацию. – Простите, как вас по отчеству?

– Можно просто Константин. Без отчества.

– Хорошо, – не стал спорить полковник. – Скажите, Константин, вам было известно о намерении Виктора Петровича свести счеты с жизнью?

– Откуда? – удивился Перекатнов. – Если это было что-то личное...

– А вам, Дмитрий Ульянович? – повернулся Лев к Ермакову.

Старик поднял глаза, пробормотал что-то неразборчивое себе под нос, а затем негромко, но четко бросил лаконичное: «Нет».

– Чувствую, беседа может затянуться, – не удержался от комментария Крячко, но напарник осадил его:

– Давайте я ускорю процесс. Согласно свидетельским показаниям, покойный Виктор Петрович за два дня до самоубийства не вышел на работу. Однако дома он много разговаривал по телефону, причем на повышенных тонах. И даже ругался с кем-то. Мы проверили мобильник покойного. В тот день он общался только с тремя абонентами. С вами двумя и с Сергеем Александровичем Златогорским... С последним мы уже имели честь познакомиться и пообщаться... Но и это еще не все. – Гуров выдержал небольшую паузу. – За сутки до самоубийства Виктор Петрович был на работе. И весь этот день провел в хирургическом отделении. В вашем отделении, господа. Не в терапевтическом, не в гинекологическом... И ни в каком другом. Теперь вы понимаете, к чему я веду?

– Не совсем. – Перекатнов слегка подобрался. – Разумеется, я видел вчера Виктора Петровича. Не стану отрицать. Мы общались... Накопилось много рабочих вопросов... Но при чем тут его самоубийство?

– Люди не кончают жизнь самоубийством просто так, Константин. Виктора Петровича довели до этого...

– Мы? – Перекатнов посмотрел на сыщика, как на умалишенного. – Вы это серьезно, уважаемый? Вы действительно думаете, что кто-то из нас мог довести Виктора Петровича до самоубийства?

– Я ничего пока не думаю, – сдержанно ответил Гуров. – На данный момент я могу только предполагать, строить гипотезы... И я хочу знать, какие разговоры вел с вами двумя покойный Куприянов вчера и позавчера? Что вывело его из себя? Почему он ругался?

Перекатнов выдал нечто отдаленно похожее на едкий смешок и театрально закатил глаза:

– Бред! Вы меня извините, конечно, господа... Боюсь, я лезу не в свое дело, но... Раз уж вы были с нами откровенны, то я с вами тоже буду начистоту. Вы ищите мозги там, где их нет и по определению быть не может... Прошу прощения за грубость. Будем считать, что у меня это такой профессиональный юмор. А если серьезно... – Константин сосредоточенно сдвинул брови к переносице. – Виктор Петрович часто ругался. Часто был чем-то недоволен. Это была его привычная манера общения, и все, кто хорошо знал Виктора Петровича, давно перестали обращать на это внимание... Последние два дня, о которых вы говорите, не стали исключением из правил. Наверняка он ругался... Естественно, и мне лично прилетело... Но я даже не помню причин, вызвавших в этот раз недовольство главного... Они могли быть связаны с чем угодно... Не так, как должно, обошлись с кем-то из VIP-клиентов, не вовремя завезли медикаменты, или завезли, но не те, которые требовались в первую очередь... Операция, которая должна была завершиться в течение часа, по стечению каких-то обстоятельств длилась больше трех... Любая из этих причин могла вызвать бурю негодования у Виктора Петровича. – Перекатнов замолчал и устало провел ладонью по лбу. – Он был не из тех главврачей, которые просто подмахивают бумажки и ни во что не вмешиваются... Присутствие Виктора Петровича ощущалось везде и во всем. И та эмоциональность...

Он не успел закончить начатой фразы. Со стороны окна раздался странный скулящий звук. И Константин, и сыщики одновременно повернули головы. Ермаков снял очки и закрыл ладонями лицо. Плечи его вздрагивали от рыданий.

– Твою мать! – даже не попытался скрыть презрения Перекатнов. – Началось... – Он снова взглянул на часы: – А у меня операция, господа. Может, вы все-таки позволите мне покинуть ваше милое общество. Жизнь человека на кону, чтоб вы понимали...

– Это я... – пробормотал сквозь слезы Дмитрий Ульянович. – Это я во всем виноват... Во всем, что случилось.

Гуров и Крячко переглянулись.

– О чем вы, Дмитрий Ульянович? – живо ухватился за истерику заведующего Гуров.

– Не обращайтесь внимания, – посоветовал Перекатнов. – Ни в чем он не виноват. Это не более чем бред. Он с утра сам не свой. С того самого момента, как стало известно... о смерти Виктора Петровича. Они были близкими друзьями.

– Нет, я виноват. – Ермаков отбросил очки, надеясь, что те полетят на стол, но этого не случилось. Очки упали на пол, и только серый ковер с высоким ворсом не позволил им разбиться. – Я виноват... Я подвел... Если бы я брал на себя чуть больше ответственности... Хоть чуточку больше... Витя... Витя не дошел бы до такого. Моя вина. Кругом моя вина!..

– О какой ответственности идет речь?

Старик не сразу ответил на вопрос сыщика. Он все еще продолжал всхлипывать, но за широкими морщинистыми ладонями, закрывавшими лицо, слез видно не было. Крячко отлепился от дверного косяка и сделал пару шагов вперед, недоверчиво приглядываясь к заведующему. Седая голова Ермакова склонилась еще ниже.

– Я не заслуживаю этой должности. – Он произносил эти слова не для сыщиков, а скорее исповедовался перед самим собой. – И никогда ее не заслуживал... Витя – единственный, кто верил в меня. Даже я сам не верил... Мы с ним оба знали, что мне давно тут не место. Он все свои надежды возлагал на Костю. С каждым годом все больше и больше... Говорил, что Костя – хирург от бога...

– Мне, конечно, приятно это слышать, Дмитрий Ульянович, – сдержанно отозвался Перекатнов, но при этом все еще продолжал хмуриться. – Но не думаю, что это как-то относится сейчас к делу. Лучше примите успокоительное...

– К черту успокоительное! – Ермаков оторвал ладони от лица. Его щеки были мокрыми от слез, но он быстро протер их рукавом халата. Решительно встряхнул головой и поднялся с кресла. – Мне не нужно никакого успокоительного. Никакое успокоительное не поможет мне избавиться от чувства вины.

Перекатнов тоже резко поднялся. Его примеру последовал и Гуров. Ермаков пошарил рукой по столу в поисках очков. Крячко любезно нагнулся, подобрал их с пола и протянул заведующему.

– Благодарю. – Дмитрий Ульянович снова машинально всхлипнул, но тут же попытался взять себя в руки и посмотрел на оперов: – Вы хотите знать, что случилось?

– Хотим, – ответил Гуров.

– Что ж... Извольте. Я расскажу вам.

Краем глаза Лев заметил, как закаменело при этом лицо Перекатнова, а глаза его недобро блеснули.

– Вчера и позавчера Витя был не просто взволнован. Нет! Он был в бешенстве. Настолько, насколько никогда еще не был. И это со мной он ругался по телефону!

– Относительно чего?

– Относительно того, что дело всей его жизни безнадежно погублено. Погублена его репутация, его надежды. Погублено все... И в этом он винил меня... Может, он винил и еще кого-то, не знаю, о чем он говорил с другими. Могу отвечать только за себя... Витя приводил мне факты. Вполне конкретные факты. Процент смертности за последние полгода значительно вырос в нашей больнице. Одним из умерших на операционном столе оказался человек из министерства. Это вообще ни в какие ворота не лезло. А я... Я... Как же вам объяснить?..

В общем, получилось так, что я решил исправить ситуацию. Взял на себя ответственность... А у Кости было свое видение ситуации... Сейчас уже и не стану спорить, кто из нас был прав, а кто виноват. Может, он, может, я, – пожал плечами старик. – Теперь это не имеет значения. Важно то, что между нами вспыхнул конфликт. Он разгорался все больше и больше, пока не достиг своего апогея.

– Конфликт между кем и кем? – предпочел уточнить Крячко.

– Между мной и Костей. И этот конфликт только усугубил ситуацию в больнице...

– Ну, довольно! – прервал коллегу Перекатнов. – Можете даже не слушать этот бред, господа. Ситуация не такая уж и ужасная, какой ее пытается нарисовать Дмитрий Ульянович. Я бы даже сказал, напротив... Процент смертности уменьшился. А наш внутренний конфликт не имеет никакого отношения...

– Нет, имеет, – сурово нахмурился Ермаков. Гуров внимательно наблюдал за обоими медиками. – Этот конфликт убил Витю. Он сам сказал мне об этом.

– Что сказал? – быстро спросил Лев.

– Что перестал доверять нам обоим. И мне, и Косте. Он сказал, что мы погубили дело его жизни...

– Отвечайте только за себя, Дмитрий Ульянович, – с нажимом произнес Перекатнов. – Мне Виктор Петрович ничего такого не говорил.

– Неужели? – усмехнулся Ермаков.

– Я не буду спорить, – вздохнул Константин, в очередной раз бросая взгляд на наручные часы, – у меня нет на это времени. Но дам один совет. Профессиональный. Вам нужно успокоиться, Дмитрий Ульянович. Просто успокоиться и трезво взглянуть на вещи. Никто из нас не желал смерти Виктора Петровича. И уж тем более никто не доводил его до самоубийства. На этом у меня все, господа. А сейчас прошу извинить меня. Мне действительно необходимо идти готовиться к операции. Вы позволите?

– Идите, – разрешил Гуров. – Но не покидайте больницу после операции, возможно, нам еще предстоит побеседовать.

– Как скажете. Я буду на работе весь день. До семи часов.

Перекатнов вышел из кабинета, на ходу застегивая халат. Ермаков долго смотрел на оставленную им распахнутую дверь, а затем без сил плюхнулся в кресло. Снял очки и опять закрыл ладонями лицо. Гуров собрался спросить о чем-то заведующего отделением, но Крячко своевременно тронул напарника за плечо:

– Можно тебя на минуточку, Лева? Буквально на пару слов...

Они вместе вышли в коридор, оставив Ермакова в одиночестве предаваться угрызениям совести.

– Ну что? – нетерпеливо бросил Лев.

– Хочешь знать мое мнение? – Крячко понизил голос почти до шепота.

– Если это связано с делом, а не с твоей беременной подругой...

– Это связано с делом.

– Тогда слушаю.

– Два момента, Лева. Во-первых, я думаю, что никто Куприянова до самоубийства не доводил. Кроме него самого, конечно... Это расследование яйца выеденного не стоит. Но... Я могу и ошибаться, старик, потому как есть и во-вторых. Эти двое определенно что-то скрывают. Не знаю, что именно и относится ли это к нашему делу, но скрывают. Впрочем, так же, как и Златогорский...

– Интуиция? – прищурился Гуров.

– Не совсем. И не говори мне, что ты сам ничего не заметил. Златогорский буквально трясется от страха, Ермаков подавлен и при этом несет полную ахинею, а Перекатнов... Он слишком напряжен. И за его внешним апломбом тоже что-то кроется.

– Да, я заметил. И что ты конкретно предлагаешь? Отвезти их в отделение, посадить в «стакан» и начать бить? Каждого по очереди?

– Ну зачем же так круто? – улыбнулся Стас. – Хотя это тоже вариант. Но я предлагаю другое решение. Обратимся за помощью к специалисту.

– К какому еще специалисту?

– Специалисту по лжи. Мозгоправ Андрей Лозинский. Помнишь такого? Однажды он здорово помог нам...

– А разве вы с ним не на ножах?

– Ну, на ножах – это громко сказано. – Крячко невольно отвел взгляд. – К тому же ради дела я готов смирить гордыню. Я же профессионал. Не мне тебе рассказывать...

– Хорошо, – согласился Лев. – Мысль толковая. Езжай к Лозинскому и привези его сюда. А я пока пообщаюсь с персоналом в хирургическом. Попробую выяснить подробности конфликта между заведующим и его замом.

– Эй! А почему к Лозинскому сразу я? – вскинулся Станислав. – Вообще-то я рассчитывал, что это ты с ним поговоришь. Или как минимум мы вдвоем.

– Значит, вы все-таки на ножах?

– Нет! Но он заносчивый сукин сын. Этого не отнять, как говорится. Из песни слов не выкинешь.

– Я верю, что ты справишься, Стас. – Гуров похлопал напарника по плечу. – Удачи! Вези сюда Лозинского!

Глава 3

Заезд близился к завершению. Из-за поворота, взрезав темноту, вынырнули четыре ярких конуса автомобильных фар. Коротко стриженная брюнетка, утянутая в кожу, заняла привычное место у обочины и подняла над головой клетчатый флаг. Машины с ревом приближались к финишу.

Николай, стоя рядом с Бизоном, азартно взъерошил свои светлые курчавые волосы и, поднеся к глазам бинокль, снабженный прибором ночного видения, удовлетворенно крикнул:

– Порядок, брат. Мюллер идет на полкорпуса впереди. Уверен, он еще и спуртанет на финише.

– Как обычно, – согласился Бизон, глубоко затягиваясь сигаретой с марихуаной.

Ни он, ни Николай не видели, как со стороны города на Выборгское шоссе вырулил ярко-желтый «Форд Мустанг» шестого поколения и на крейсерской скорости двинулся в направлении участников уличной гонки. Внимание всех присутствующих в настоящий момент было приковано к соревнующимся и их финишу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.